

БОЛЬШИЕ
NF
КНИГИ

Зигмунд
Фрейд

ТОЛКОВАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

•

ВВЕДЕНИЕ
В ПСИХОАНАЛИЗ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 159.964.2
ББК 88.5
Ф 86

Перевод с немецкого
Галины Барышниковой и Якова Когана
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Андрея Саукова

ISBN 978-5-389-19756-5

© Г. В. Барышникова, перевод, 1989
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

I

Данте да Майяно — к стихотворцам

Не откажи, премудрый, сделай милость,
на этот сон вниманье обрати.
Узнай, что мне красавица приснилась —
та, что у сердца в пребольшей чести.
С густым венком в руках она явилась,
желая в дар венки преподнести,
и вдруг на мне рубашка очутилась
с ее плеча — я убежден почти.
Тут я пришел в такое состоянье,
что начал даму страстно обнимать,
ей в удовольствие — по всем приметам.
Я целовал ее. Храню молчанье
о прочем, как поклялся ей. И мать
покойная моя была при этом.

II

Данте Алигьери — к Данте да Майяно

Передо мной достойный ум явив,
Способны вы постичь виденье сами,
но как могу откликнуться на призыв,
изложенный изящными словами.
В подарке знак любви предположив
к прекраснейшей и благородной даме,
любви, чей не всегда исход счастлив,
надеюсь я — сойду с вами.
Рубашка дамы означать должна,
как я считаю, как считаем оба,
что вас в ответ возлюбит и она.
А то, что эта странная особа
с покойницей была, а не одна,
должно бы означать любовь до гроба.

Данте Алигьери
«Малые произведения»

ВВЕДЕНИЕ

Делая попытку толкования сновидений, я не переступаю, на мой взгляд, замкнутого круга невропатологических интересов. Сновидение в психологическом анализе служит первым звеном в ряду психических феноменов, из которых дальнейшие — истерические фобии, навязчивые мысли и бредовые идеи должны интересовать врача по практическим соображениям. На такое практическое значение сновидение — как мы увидим — претендовать не может. Но тем значительнее его теоретическая ценность в качестве парадигмы. Кто не умеет объяснить себе возникновение сновидений, тот напрасно будет стараться понять различного рода фобии, навязчивые мысли, бредовые идеи с той целью, чтобы оказать на них терапевтическое воздействие.

Эта тесная взаимозависимость, которой обязана своею важностью разбираемая тема, является, однако, причиною и недостатков предлагаемой работы. Проблемы, имеющиеся в нашем изложении в столь обильном количестве, соответствуют стольким же точкам соприкосновения, в которых проблема образования сновидений входит в более общие проблемы психопатологии, которые не освещаются тут и которым будут посвящены дальнейшие исследования, насколько позволят время и силы.

Своеобразие материала, которым приходилось оперировать для толкования сновидений, чрезвычайно затрудняло мою работу. Из изложения само собою будет ясно, почему все сновидения, описанные в литературе или собранные от неизвестных лиц, совершенно непригодны для моих целей. У меня был только выбор между собственными сновидениями и сновидениями моих пациентов, пользующихся психоаналитическим лечением. Использование последних затруднялось тем, что эти сновидения осложнялись привхождением невротических элементов. С сообщением же собственных была неразрывно связана необходимость раскрывать перед

чужим взором больше интимных подробностей моей личной жизни, чем мне бы хотелось и чем вообще должен открывать их автор — не поэт, а естествоиспытатель. Это было неприятно, но неизбежно. И я примирился с этим, лишь бы не отказываться вообще от аргументации своих психологических выводов. Я не мог, конечно, противостоять искушению при помощи различного рода сокращений и пропусков скрывать наиболее интимные подробности; но это всегда служило во вред данному примеру как доказательному аргументу. Я могу надеяться только, что читатели моей книги поймут мое затруднительное положение и будут ко мне снисходительны, и далее, что все лица, которые так или иначе затрагиваются в этих сновидениях, не откажутся предоставить, по крайней мере, этой сфере полную свободу мысли.

Предисловие ко второму изданию

Тем, что со дня выхода моей книги еще не прошло десяти лет, а уже появилась потребность во втором ее издании, я обязан отнюдь не интересу специалистов, к которым обращался я во введении. Мои коллеги-психиатры не дали себе труда разделаться с тем первоначальным недоумением, которое должно было вызвать в них мое новое понимание сновидений, а философы, привыкшие смотреть на проблему сновидения как на добавление к вопросам сознания, не поняли, что именно отсюда можно извлечь кое-что ведущее к коренному преобразованию всех наших психологических теорий. Отношение научной критики могло только подтвердить мое ожидание, что участью моей книги будет упорное замалчивание ее; первое издание моей книги не могло целиком быть разобрано и той небольшой кучкой смелых сторонников, которые следуют за мной по пути врачебного применения психоанализа и которые по моему примеру толкуют сновидения, чтобы использовать это затем при лечении невротиков. Ввиду этого я считаю себя обязанным выразить благодарность тем широким кругам интеллигентных и любознательных лиц, сочувствие которых и вызвало потребность спустя девять лет снова взяться за мой нелегкий и во многих отношениях капитальный труд.

С удовлетворением я могу сказать, что исправлять и изменять мне пришлось очень немного. Я включил только кое-где новый материал, прибавил несколько замечаний, вытекавших из моих продолжительных наблюдений, и местами кое-что переработал.

Все существенное же о сновидении и его толковании, а также вытекающие из последнего общие психологические принципы остались без изменения. Все это, по крайней мере субъективно, выдержало испытание временем. Кто знаком с моими другими работами (об этиологии и механизме психоневрозов), тот знает, что я никогда не выдавал неготового и неполного за полное и готовое и всегда старался изменять свои утверждения, когда они переставали соответствовать моим убеждениям. В области же толкования сновидений я остался на своей первоначальной точке зрения. За долгие годы своей работы над проблемой неврозов я неоднократно колебался и менял свои взгляды; только в своем «Толковании сновидений» я всегда находил твердую точку опоры. И многочисленные мои научные противники обнаруживают большую чуткость, избегая столкновения со мной в области проблемы сновидения.

Материал моей книги, эти в большинстве своем уже обесцененные давностью сновидения, на примере которых я объясняю принципы толкования сновидений, также оказались при пересмотре не нуждающимися в какой-либо переработке. Для меня лично эта книга имеет еще другое субъективное значение, которое я сумел понять лишь по ее окончании. Она оказалась отрывком моего самоанализа — реакцией на смерть моего отца, на крупнейшее событие и тягчайшую утрату в жизни человека. Поняв это, я счел невозможным уничтожить черты этого воздействия. Для читателя же совершенно безразлично, на каком материале он учится оценивать и толковать сновидения.

Там, где необходимое замечание не укладывалось в логическую связь с прежним изложением, я заключал его в квадратные скобки¹.

Берхтесгаден, лето 1908 г.

Предисловие к третьему изданию

В то время как между первым и вторым изданием этой книги прошло девять лет, потребность в третьем издании ощутилась немного более чем через год. Я мог бы радоваться этой перемене. Но если прежде пренебрежение моим трудом со стороны его читателей я не считал доказательством его негодности, то теперь пробудившийся к нему интерес не доказывает еще его положительных качеств.

¹ При последующих изданиях скобки были опущены.

Прогресс научной мысли не оставил в стороне и «Толкования сновидений». Когда в 1899 г. я писал эту книгу, «сексуальной теории» еще не было, а анализ сложных форм психоневрозов только еще зарождался. Толкование сновидений должно было стать вспомогательным средством для осуществления анализа неврозов. Углубившееся изучение последних само, в свою очередь, стало оказывать влияние на толкование сновидений. Учение о последнем пошло по пути, который недостаточно определенно был выражен в первом издании этой книги. Благодаря собственному опыту и работам В. Штекеля и других я научился правильнее оценивать объем и значение символики в сновидении (или, вернее, в бессознательном мышлении). И таким образом в течение этих лет скопилось многое, требовавшее особого внимания к себе. Я попытался использовать все это, прибегши к помощи примечаний и многочисленных вставок в тексте. Если добавления эти угрожают местами переступить рамки изложения или если не везде удалось поднять первоначальный текст до уровня наших нынешних взглядов, то к этим недостаткам своей книги я прошу снисхождения; они являются лишь следствиями и результатами быстрого темпа развития нашего знания. Я решаюсь, кроме того, сказать заранее, по каким другим путям отклонятся последующие издания «Толкования сновидений», — если окажется в них потребность. Они должны будут приблизиться более к богатому материалу поэзии, мифа, языка и народного быта, с другой же стороны, они коснутся более подробно, чем теперь, отношений сновидения к неврозам и психическим расстройствам.

Отто Ранк оказал мне весьма ценные услуги при подборе материала и сам выполнил корректуру печатных листов, и я выражаю ему и многим другим глубокую благодарность за их указания.

Вена, весна 1911 г.

Предисловие к четвертому изданию

Год тому назад (в 1913 г.) д-р А. А. Брилл в Нью-Йорке перевел настоящую книгу на английский язык. (The Interpretation of dreams. G. Aleen & Co., London, 1913 г.)

Д-р *Отто Ранк* на этот раз не только выполнил корректуру, но и обогатил текст двумя самостоятельными статьями. (Прибавление к гл. VI.)

Вена, июнь 1914 г.

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

Предисловие к пятому изданию

Интерес к «Толкованию сновидений» не прекратился и во время мировой войны, и еще до окончания ее ощущалась необходимость в новом издании. В течение войны не было возможности уследить за всей литературой, начиная с 1914 г., поскольку имеется иностранная литература, она вообще не была доступна ни мне, ни д-ру Ранку.

Венгерский перевод «Толкования сновидений», выполненный д-ром Голлосом и д-ром Ференци, выйдет в свет в недалеком будущем. В моих «Лекциях по введению в психоанализ», изданных в 1916–1917 гг., средняя часть, обнимающая одиннадцать лекций, посвящена изложению сновидения; я стремился к тому, чтобы изложение это было более элементарным, и имел в виду указать на более тесную связь его с учением о неврозах. В общем оно имеет характер извлечения из «Толкования сновидений», хотя отдельные места изложены более подробно.

Я не мог решиться на основательную переработку настоящей книги соответственно современному уровню наших психоаналитических взглядов и уничтожить этим самым ее историческое своеобразие. Я все же думаю, что в течение почти 20-летнего существования она выполнила свою задачу.

Будапешт—Штейнбрух, июль 1918 г.

Предисловие к шестому изданию

Вследствие трудностей, связанных в настоящее время с книгопечатанием, настоящее новое издание вышло в свет гораздо позже того срока, когда уже ощутилась потребность в нем; в силу тех же обстоятельств оно является — впервые — неизменным оттиском с предыдущего издания. Лишь литературный указатель в конце книги был дополнен и продолжен д-ром О. Ранком.

Мое предположение, что настоящая книга в течение своего почти двадцатилетнего существования выполнила свою задачу, не получило, таким образом, подтверждения. Я мог бы сказать скорее, что ей предстоит выполнить новую задачу. Если прежде речь шла о том, чтобы выяснить сущность сновидения, то теперь столь же важно преодолеть то упорное непонимание, с которым были встречены эти объяснения.

Вена, апрель 1921 г.

I
НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПО ВОПРОСУ О СНОВИДЕНИЯХ
(до 1900 г.)¹

В дальнейшем изложении я постараюсь привести доказательства того, что существует психологическая техника, которая позволяет толковать сновидения, и что при применении этого метода любое сновидение оказывается осмысленным психическим феноменом, который может быть в соответствующем месте включен в душевную деятельность бодрствования. Я попытаюсь далее объяснить те процессы, которые обуславливают странность и непонятность сновидения, и вывести на основании их заключение относительно природы психических сил, из сотрудничества или соперничества которых образуется сновидение. Но на этом пункте изложение мое и закончится, так как далее проблема сновидения переходит в более обширную проблему, разрешение которой нуждается в другом материале.

Своему изложению я предпосылаю обзор работ других авторов, а также и современного положения проблемы сновидения в науке; делаю я это потому, что в дальнейшем буду иметь мало поводов возвращаться к этому. Научное понимание сновидения, несмотря на тысячелетние попытки, ушло вперед очень мало. В этом так единодушны все авторы, что излишне выслушивать по этому поводу их отдельные голоса. В сочинениях, список которых я прилагаю в конце своей книги, имеется много ценных замечаний и интересного материала для нашей темы, но там нет ничего или почти ничего, что касалось бы самой сущности сновидения и разрешало бы его тайну. Еще меньше перешло, понятно, в понимание интеллигентных читателей-неспециалистов.

Вопрос о том, как понималось сновидение в первобытные времена человечества у первобытных народов и какое влияние на об-

¹ До первого издания этой книги в 1900 г.

разование их воззрений на мир и на душу следует приписать ему, представляет огромный интерес; поэтому я с большим сожалением исключаю его из обработки в этом сочинении. Я ссылаюсь на известные сочинения сэра Дж. Леббока, Г. Спенсера, Э. Б. Тайлора и др. и присовокупляю лишь, что значение этих проблем и спекуляций может стать нам понятно только после того, как мы разрешим стоящую перед нами задачу «толкования сновидений».

Отзвук первобытного понимания сновидений лежит, очевидно, в основе оценки сновидения у народов классической древности¹. Они предполагали, что сновидения стоят в связи с миром сверхчеловеческих существ, в которых они верили, и приносят откровения со стороны богов и демонов. Они думали далее, что сновидения имеют важное значение для сновидящего, возвещая ему обыкновенно будущее. Ввиду чрезвычайного разнообразия в содержании и во впечатлении, производимом сновидениями, было, конечно, трудно придерживаться одного понимания, и поэтому необходимо было произвести различные подразделения и группировки сновидений согласно их ценности и достоверности. У отдельных философов древности суждение о сновидении зависело, разумеется, от той позиции, которую они были готовы занять по отношению к *искусству предсказывать* вообще.

В обеих работах Аристотеля, обсуждающих сновидение, оно уже стало объектом психологии. Мы слышим, что сновидение — это не послание божие, что оно имеет не божественное происхождение, а дьявольское, так как природа скорее демонична, чем божественна. Сновидение вовсе не возникает из сверхъестественного откровения, а является результатом законов человеческого духа, родственного, конечно, божеству. Сновидение определяется как душевная деятельность спящего, откуда он спит.

Аристотелю знакомы некоторые из характерных черт жизни сновидения; он знает, например, что сновидение превращает мелкие раздражения, наступающие во время сна, в крупные («Кажется, будто идешь через огонь и горишь, когда на самом деле происходит лишь незначительное согревание той или другой части тела»), и выводит отсюда заключение, что сновидение может обнаружить перед врачом первые, незаметные признаки начинающегося изменения в теле².

¹ Нижеследующее — согласно тщательному изложению Бюшеншютца.

² Об отношении сновидения к болезням пишет греческий врач *Гиппократ* в одной из глав своего знаменитого сочинения.

Древние до *Аристотеля* считали сновидение, как известно, не продуктом грезящей души, а внушением со стороны божества: мы уже видим у них оба противоположных направления, представленных во всех исследованиях сна и сновидения. Они отличают истинные и ценные сновидения, ниспосланные спящему для предостережения или для предсказания будущего, от тщеславных, обманчивых и ничтожных, целью которых было смутить спящего или свергнуть его в гибель.

Грунне (*Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. S. 390) приводит следующее подразделение сновидений по *Макробийсу* и *Артемидору*: «Сновидения подразделяют на два класса. Один класс обусловлен лишь настоящим (или прошедшим), но не имеет никакого значения для будущего; он включает (ἐνυπνια), insomnia, которые непосредственно воспроизводят данное представление или противоположное ему представление, например голод или утоление его, и (φαντασματα), которые фантастически преувеличивают данное представление, как, например, кошмары (ночное удушье). Наоборот, другой класс определяет будущее, к нему относятся: 1) прямое пророчество, получаемое в сновидении (χρηματισμός, oraculum); 2) предсказание предстоящего события (οραμα, visio); 3) символическое, нуждающееся в разъяснении сновидения (ονειρος, somnium). Эта теория существовала в течение многих веков».

Различная оценка сновидений определяла и задачу их «толкования». От сновидений, в общем, ждали важных открытий, но не все сновидения могли быть непосредственно поняты, было неясно, предвещает ли данное непонятное сновидение что-либо важное. Этим и был дан толчок стремлению «расшифровать» сновидение, заменить непонятное содержание сновидения понятным, проникнуть в его скрытый смысл, исполненный значения. Величайшим авторитетом в толковании сновидений считался в древности *Артемидор* из *Далтиса*, подробное сочинение которого должно вознаградить нас за утерянные сочинения того же содержания¹.

Это донаучное понимание сновидений вполне гармонизировало с общим мировоззрением древних, которое проецировало в каче-

¹ О дальнейших судьбах толкования сновидений в Средние века см. у *Цунгена* и в специальных исследованиях *М. Ферстера*, *Готтгарда* и др. О толковании сновидений у евреев пишут Альмоли, Амрам, Левингер, а также недавно Лауэр, принявший во внимание психоаналитическую точку зрения. Сведения о толковании сновидений у арабов сообщают Дрексль, Ф. Шварц и миссионер Тфинкдий, у японцев — Миура и Ивайа, у китайцев — Секер, у индусов — Негелейн.

стве реальности во внешний мир только то, что имело реальность в душевной жизни. Это касалось и содержания сновидений (вернее, тех впечатлений, которые оставались от сновидений наутро, воспоминаний о сновидении). В этих воспоминаниях сновидение как бы противостоит обыденному содержанию психики, привносится как нечто чуждое, происходящее как бы из иного мира. Было бы ошибочно, однако, полагать, что учение о сверхъестественном происхождении сновидения не имеет сторонников и в настоящее время; не говоря уже обо всех поэтических и мистических писателях, которые изо всех сил стараются наполнять каким-нибудь содержанием остатки столь обширной в прежнее время сферы сверхъестественного, куда они не завоевываются естественно-научным исследованием, — очень часто встречаются чрезвычайно развитые, далекие от всяких подозрений люди, которые пытаются обосновать свою религиозную веру в существование и во вмешательство сверхчеловеческих духовных сил именно необъяснимостью явлений сна (Гаффер). Понимание сновидений некоторыми философскими системами, например шеллингианцами, представляет собой очевидный отзвук твердого убеждения древних в божественном происхождении сновидений. Обсуждение способности сновидения «прорицать», предсказывать будущее, все еще не закончено. Хотя каждый человек, придерживающийся научного мировоззрения, склонен отрицать пророческую силу сновидения, но попытки психологического истолкования недостаточны, чтобы осилить накопленный фактический материал.

Писать историю научного изучения проблемы сновидения тем более трудно, что в этом изучении, как ни ценно оно в некоторых своих частях, нельзя заметить прогресса в определенном направлении. Дело никогда не доходило до возведения фундамента из прочно обоснованных результатов, на котором последующий исследователь мог бы продолжить свою постройку. Каждый новый автор принимается за изучение проблемы сызнова. Если бы я стал рассматривать авторов в хронологическом порядке и про каждого из них сообщать, какого он был воззрения на проблему сновидения, — мне пришлось бы, наверное, отказаться от составления общего наглядного обзора современного состояния проблемы сновидения. Я предпочел поэтому связать изложение с сущностью разбираемых вопросов, а не с авторами и постараюсь при обсуждении каждой проблемы указывать, какой материал имеется в литературе для ее разрешения.

Так как, однако, мне не удалось осилить всю чрезвычайно разбросанную и разностороннюю литературу, то я прошу читателей удовлетвориться сознанием, что я не упустил ни одного существенного факта, ни одной значительной точки зрения.

До недавнего времени большинство авторов считали необходимым рассматривать сон и сновидение вместе, а обычно присоединяли сюда еще и изучение аналогичных состояний, соприкасающихся с психопатологией, и снопоподобных явлений (каковы, например, галлюцинации, видения и т. п.). В противоположность этому и в более поздних работах обнаруживается стремление суживать по возможности тему и исследовать какой-нибудь один только вопрос из области сновидений. В этой перемене я вижу выражение того взгляда, что в таких темных вещах понимания можно достичь лишь целым рядом детальных исследований. Я и предлагаю здесь не что иное, как такое детальное исследование специально психологического характера. У меня нет оснований заняться проблемой сна, так как это уж почти чисто физиологическая проблема, хотя и в характеристике сна должно быть налицо изменение условий функционирования душевного аппарата. Я опускаю поэтому и литературу по вопросу о сне.

Научный интерес к проблеме сновидения сводится к следующим отдельным вопросам, отчасти скрещивающимся друг с другом.

а) *Отношение сновидения к бодрствованию.* Наивное суждение пробуждающегося человека предполагает, что сновидение если и не происходит из другого мира, то, во всяком случае, переносит его самого в тот чуждый мир. Старый физиолог *Бурдах*, которому мы обязаны добросовестным и остроумным описанием явлений сновидений, выразил это убеждение в довольно часто цитируемом положении (8, 474): «...жизнь дня с ее треволнениями и переживаниями, с радостями и горестями никогда не воспроизводится в сновидении; последнее стремится скорее вырвать нас из этой жизни. Даже когда вся наша душа преисполнена одной мыслью, когда острая боль разрывает наше сердце или когда какая-либо цель поглощает целиком наш разум, — даже тогда сновидение оживляет нечто совершенно своеобразное, или же берет для своих комбинаций только отдельные элементы действительности, или же, наконец, входит в тон нашего настроения и символизирует действительность». *И. Г. Фихте* (26, 541) говорит в этом же самом смысле прямо о *дополняющих сновидениях* и называет их одним из тай-

ных благоденствий самоисцеляющей природы духа. В аналогичном смысле высказывается и *Л. Штрюмпель* в своем справедливо прославившемся исследовании природы и возникновения сновидений (66, 16): «Кто грезит, тот уносится из мира бодрственного сознания...» (66, 17): «В сновидении совершенно исчезает память строго упорядоченного содержания бодрственного сознания и его нормальных функций...» (66, 19): «Почти полное отделение души в сновидении от осмысленного содержания и течения бодрственного состояния...»

Подавляющее большинство авторов придерживаются, однако, противоположного мнения относительно взаимоотношения сновидения и бодрствования. Так, *Гаффнер* считает (32, 19): «Прежде всего сновидение служит продолжением бодрственного состояния. Наши сновидения стоят всегда в связи с представлениями, имевшими место незадолго до того в сознании. Такое наблюдение найдет всегда нить, которой сновидение связано с переживаниями предшествующего дня». *Вейгандт* (75, 6) прямо противоречит вышеупомянутому утверждению *Бурдаха*: «Очень часто, по-видимому в огромном большинстве сновидений, можно наблюдать, что они возвращают нас в повседневную жизнь, а вовсе не вырывают из нее». *Мори* (48, 56) говорит в своей лаконической формуле: «Мы видим во сне то, что мы видели, говорили, желали или делали наяву». *Иессен* в своей «Психологии», появившейся в 1855 г., высказывается более подробно (36, 530): «Более или менее содержание сна всегда определяется индивидуальностью, возрастом, полом, общественным положением, умственным развитием, привычным образом жизни и фактами предшествующей жизни».

Наиболее определенно высказывается по этому вопросу философ *И. Г. Е. Маасе* (*Über die Leidenschaften*, 1805): «Опыт подтверждает наше утверждение, что мы чаще всего видим в сновидении то, на что направлены наши самые горячие и страстные желания. Из этого видно, что наши страстные желания должны оказывать влияние на появление наших сновидений. Честолюбивый человек видит в сновидении достигнутые (может быть, лишь в его воображении) или предстоящие лавры, в то время как сновидения влюбленного заполнены предметом его сладких надежд... Все чувственные желания или отвращения, дремлющие в сердце, — если они приводятся в возбуждение на каком-либо основании — могут оказать влияние в том смысле, что из связанных с ними представлений

возникает сновидение или что эти представления примешиваются к уже существующему сновидению». (Сообщено *Винтерштейном* в «Zbl. für Psychoanalyse».)

Древние никогда не представляли себе иначе взаимозависимости сновидения и жизни. Я цитирую по *Радештоку* (54, 139): «Когда Ксеркс перед походом на греков не послушался добрых советов, а последовал воздействию постоянных сновидений, старый толкователь снов, перс *Агтабан*, сказал ему очень метко, что сновидения в большинстве случаев содержат то, о чем думает человек в бодрственном состоянии».

В поэме *Лукреция* «О природе вещей» есть одно место (IV, V, 962):

Если кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавались мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я продолжаю свой труд...

(Перевод Ф. Петровского)

Цицерон (De divin. II) говорит то же, что потом *Мори*: «В большинстве случаев в душах проходят следы тех вещей, о которых мы размышляли либо делали их в состоянии бодрствования».

Противоречие обоих воззрений относительно взаимоотношений сновидения и бодрствования, по-видимому, действительно неразрывно. Здесь уместно вспомнить о *Ф. В. Гильдебрандте* (1875), который полагает, что своеобразные особенности сновидения вообще нельзя описать иначе, как посредством «целого ряда контрастов», которые переходят часто в противоречия» (35, 8). «Первый из этих контрастов образует, с одной стороны, *полная отделенность, или замкнутость*, сновидения от действительной, реальной жизни и, с другой стороны, постоянное *соприкосновение их* друг с другом, постоянная их взаимозависимость. Сновидение есть нечто строго отделенное от действительности, пережитой в бодрственном состоянии, так сказать, герметически замкнутое бытие, отрезанное от действительной жизни непроходимой пропастью. Оно отрывает нас от действительности, убивает в нас нормальное воспоминание о ней, переносит нас в другой мир, в другую среду, не имевшую решительно ничего общего с действительностью...» *Гильдебрандт* говорит далее, что во сне все бытие наше словно исчезает за «не-

видимой дверью». Во сне едешь, например, на остров Св. Елены и привозишь живущему там Наполеону превосходный дорогой мазельвейн. Экс-император встречает очень любезно. Чувствуешь положительно жалость, когда пробуждение разрушает интересную иллюзию. Но начинаешь сравнивать сновидение с действительностью. Виноторговцем ты никогда не был и быть не хотел. Морского путешествия не совершал и во всяком случае никогда не отправился бы на Св. Елену. К Наполеону вообще не питаешь никакой симпатии, а скорее врожденную патриотическую ненависть. И вдобавок тебя не было еще на свете, когда на острове умер Наполеон. Думать о какой-либо личной привязанности нет никаких оснований. Все сновидение представляется в виде какого-то чуждого феномена, проявившегося между двумя вполне подходящими друг другу и составляющими один продолжение другого периодами (бодрственной) жизни.

«А все же, — продолжает *Гильдебрандт*, — мнимое *противоречие вполне* правдиво и правильно. На мой взгляд, эта замкнутость и обособленность идет рука об руку с наитеснейшей связью и общностью. Мы можем сказать даже: что бы ни представляло собою сновидение, оно берет свой материал из действительности и из душевной жизни, разыгрывающейся на фоне этой действительности...

Что бы оно ни делало с ним, оно никогда не отделится от реального мира и его самые комичные и странные формы должны будут всегда черпать свой материал из того, что либо стояло перед нашими глазами в действительной жизни или же уже заняло так или иначе место в нашем бодрственном мышлении, короче говоря, из того, что мы переживали внешне или внутренне».

б) *Материал сновидения. Память в сновидении.* То, что весь материал, образующий содержание сновидения, так или иначе происходит от реальных переживаний и в сновидении лишь воспроизводится, *вспоминается*, это, по крайней мере, должно быть признано бесспорнейшим фактом. Но было бы ошибочно полагать, что такая взаимозависимость содержания сновидения с бодрственным состоянием без всякого труда может быть констатирована поверхностным исследованием. Ее приходится отыскивать очень долго, и в целом ряде случаев она остается вообще скрытой. Причина этого заключается в целом ряде особенностей, которые обнаруживает память в сновидении и которые, хотя и всегда отмечались, однако не нашли еще себе удовлетворительного объяснения. Между тем безусловно стоит труда подробнее остановиться на них.

Прежде всего бросается в глаза то, что в содержании сновидения имеется материал, за которым по пробуждении человек отрицает принадлежность к своему кругу знаний и переживаний. Он вспоминает, что это снилось ему, но не помнит, что когда-либо пережил это. Он остается затем в неизвестности, из какого источника черпало сновидение; им овладевает искушение уверовать в самостоятельную творческую способность сновидения; но неожиданно, спустя долгое время, новое переживание переносит мнимо утерянное воспоминание на более раннее переживание и находит тем самым источник сновидения. Приходится сознаваться тогда, что в сновидении человек знал и вспомнил нечто, чего не помнил в бодрственном состоянии¹.

Особенно характерный пример такого рода приводит *Дельбеф* из собственного опыта. Ему приснился двор его дома, покрытый снегом; под снегом он нашел двух полузамерзших ящериц. Любя животных, он поднял их, согрел и отнес их в нору возле стены. Туда же положил несколько листьев папоротника, который они, как он знал, очень любили. Во сне он знал название растения: *Asplenium ruta muralis*. Сновидение продолжалось и, к удивлению *Дельбефа*, показало ему двух новых зверьков, растянувшихся на остатках папоротника. Он поднял глаза на дорогу, увидел пятую, шестую ящерицу, и скоро вся дорога была усеяна ящерицами, которые направлялись все в ту же нору возле стены.

Действительные познания *Дельбефа* включали в себя очень мало латинских ботанических терминов: *asplenium* он совсем не знал. Но, к превеликому своему удивлению, убедился, что действительно имеется такой папоротник. Его настоящее название: *Asplenium ruta muraria*, — сновидение несколько исказило его. О случайном совпадении думать было трудно, и для *Дельбефа* так и осталось загадочным, откуда он во сне взял этот термин.

Приснилось ему все это в 1862 г.; шестнадцать лет спустя философ, будучи в гостях у одного своего друга, увидел у него небольшой альбом с засушенными цветами, какие продают в Швейцарии туристам. В нем пробуждается вдруг воспоминание, он открывает альбом, находит в нем *asplenium* и в подписи под цветком узнает свой собственный почерк. Все стало сразу понятным. Сестра его

¹ *Вашид* утверждает также, что неоднократно было замечено, что в сновидении человек говорит свободнее и лучше на иностранном языке, чем в бодрственном состоянии.

друга в 1860 г. — за два года до сновидения с ящерицами — посетила во время своего свадебного путешествия *Дельбефа*. У нее был с собой купленный для брата гербарий, и *Дельбеф* из любезности подписал под диктовку специалиста-ботаника под каждым растением латинское название.

Случайность, раскрывшая тайну сновидения, дала *Дельбефу* возможность найти объяснение и другой части этого же сновидения. Однажды, в 1877 г., в руки к нему попал старый том иллюстрированного журнала, в котором он увидел картинку, изображавшую шествие ящериц, виденное им во сне в 1862 г. Журнал относился к 1861 г., и *Дельбеф* вспомнил, что он был в то время подписчиком этого журнала.

То, что сновидение имеет в своем распоряжении воспоминания, недоступные бодрствованию, представляет собою настолько замечательный и в теоретическом отношении настолько важный факт, что я хотел бы подчеркнуть его сообщением еще и других «гипермнестических» сновидений. *Мори* сообщает, что у него некоторое время вертелось на языке слово *Муссидан*. Он знал, что это — название французского города, но подробностей об этом городе не знал никаких. Однажды ночью ему приснился разговор с каким-то человеком, который сказал ему, что он из *Муссидана*. И на вопрос, где этот город, ответил: «*Муссидан* — окружной город в департаменте Дордонь». Проснувшись, *Мори* не придал никакого значения справке, полученной во сне. Учебник географии показал ему, однако, что она была совершенно справедлива. Этот случай доказывает превосходство познаний сновидения, но не выясняет забытого источника их.

Иессен (36, 55) сообщает аналогичное сновидение из более ранней эпохи: «Сюда относится, между прочим, сновидение старшего *Скалигера* (*Геннингс*, с. 300), который написал оду в честь знаменитых мужей в Вероне и которому явился во сне человек, назвавшийся *Бруниолусом* и пожаловавшийся на то, что он был позабыт. Хотя *Скалигер* и не помнил, чтобы когда-нибудь слышал о нем, он все же включил его в свою оду, и лишь впоследствии его сын в Вероне узнал, что некогда в ней прославился известный критик *Бруниолус*».

Маркиз д'Эрвей де Денис (*по Вашиду*, с. 232) сообщает гипермнестическое сновидение, отличающееся особым своеобразием, которое состоит в том, что следующее за ним сновидение осуществляет идентификацию воспоминания, не распознанного раньше: «Я ви-

дел однажды во сне женщину с золотистыми волосами, болтавшую с моей сестрой в то время, как она показывала ей вышивание. В сновидении она представлялась мне очень знакомой, и мне казалось даже, что я неоднократно видел ее. После пробуждения я еще живо видел это лицо, но абсолютно не мог узнать его. Затем я опять уснул; сновидение повторилось. В этом новом сновидении я заговариваю с блондинкой и спрашиваю ее, не имел ли я уже чести встречать ее где-либо. Разумеется, отвечает дама, вспомните морские купанья в Парнике. Тотчас я опять просыпаюсь и с достоверностью вспоминаю теперь все подробности, с которыми было связано это прелестное лицо в сновидении».

Тот же автор сообщает:

Один знакомый музыкант слышал однажды в сновидении мелодию, которая показалась ему совершенно новой. Лишь много лет спустя он нашел эту самую мелодию в одном старом сборнике музыкальных пьесок, но он все еще не мог вспомнить, чтобы он когда-нибудь держал этот сборник пьесок в руках.

В своем, к сожалению, недоступном для меня труде (*Proceedings of the Society for psychical research*) *Muer* приводит целую коллекцию таких гипермнестических сновидений. На мой взгляд, каждый, интересующийся сновидениями, должен будет признать самым заурядным явлением, что сновидение дает доказательство познаний и воспоминаний, которыми, по-видимому, не обладает субъект в бодрственном состоянии. В психоаналитических работах с невротиками, о которых я сообщу ниже, я почти каждый день имею случай разъяснять пациентам на основании их сновидений, что они превосходно знают различного рода цитаты, циничные выражения и т. п. и что они пользуются ими во сне, хотя в бодрственном состоянии они ими забываются. Я приведу здесь еще один невинный случай гипермнезии в сновидении, так как мне удалось чрезвычайно легко найти источники, из которых проистекают познания, проявившиеся в сновидении.

Пациенту снилось, что он, будучи в кофейне, потребовал себе «контужувки». Рассказав мне об этом, он заявил, что не знает, что означает это слово. Я ответил, что контужувка — польская водка: он не придумал название во сне, оно известно уже давно по плакатам и объявлениям. Сначала пациент мне не поверил. Но несколько дней спустя, после того как он увидел свой сон, он заметил название на плакатах, висевших на улице, по которой он по крайней мере два раза в день проходил уже несколько месяцев.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

Перевод Я. Козана

Введение	9
Предисловие ко второму изданию	10
Предисловие к третьему изданию	11
Предисловие к четвертому изданию	12
Предисловие к пятому изданию	13
Предисловие к шестому изданию	13
I. Научная литература по вопросу о сновидениях (до 1900 г.)	14
II. Метод толкования сновидений. Образец анализа сновидения	90
III. Сновидение — осуществление желания	111
IV. Искажающая деятельность сновидения	119
V. Материал и источники сновидений	142
VI. Работа сновидения	247
VII. Психология процессов сновидения	352

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОАНАЛИЗ

Перевод Г. Барышниковой

Предисловие	435
-------------------	-----

Часть первая

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1916 [1915]

Первая лекция. Введение	436
Вторая лекция. Ошибочные действия	443
Третья лекция. Ошибочные действия (Продолжение)	455
Четвертая лекция. Ошибочные действия (Окончание)	471

СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая СНОВИДЕНИЯ 1916 [1915–16]

Пятая лекция. Трудности и первые попытки понимания	489
Шестая лекция. Предположения и техника толкования	503
Седьмая лекция. Явное содержание сновидения и скрытые его мысли	513
Восьмая лекция. Детские сновидения	523
Девятая лекция. Цензура сновидения	532
Десятая лекция. Символика сновидения	542
Одиннадцатая лекция. Работа сновидения	559
Двенадцатая лекция. Анализ отдельных сновидений	570
Тринадцатая лекция. Архаические черты и инфантилизм сновидения	583
Четырнадцатая лекция. Исполнение желания	595
Пятнадцатая лекция. Сомнения и критика	607

Часть третья ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НЕВРОЗОВ 1917 [1916–17]

Шестнадцатая лекция. Психоанализ и психиатрия	618
Семнадцатая лекция. Смысл симптомов	629
Восемнадцатая лекция. Фиксация на травме, бессознательное	643
Девятнадцатая лекция. Соппротивление и вытеснение	654
Двадцатая лекция. Сексуальная жизнь человека	667
Двадцать первая лекция. Развитие либидо и сексуальная организация	681
Двадцать вторая лекция. Представление о развитии и регрессии. Этиология	696
Двадцать третья лекция. Пути образования симптомов	712
Двадцать четвертая лекция. Обычная неврозность	727
Двадцать пятая лекция. Страх	739
Двадцать шестая лекция. Теория либидо и нарциссизм	754
Двадцать седьмая лекция. Перенесение	769
Двадцать восьмая лекция. Аналитическая терапия	784
Библиография	798

Фрейд З.

Ф 86 Толкование сновидений ; Введение в психоанализ / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем. Г. Барышниковой, Я. Когана — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 816 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-19756-5

Зигмунд Фрейд — легендарный австрийский невролог, психолог и психиатр. Его работы единодушно признаются новой вехой и классикой психоанализа. Выйдя за рамки привычной его современникам медицинской психологии, Фрейд дерзко приписал всему человечеству скандальные мысли и побуждения. Впрочем, споры вокруг психоанализа не утихают и сегодня, а труды Зигмунда Фрейда не только обогатили многие области современных знаний, но и оказали колоссальное влияние на мировую культуру во всех ее проявлениях.

В настоящее издание вошли две основополагающие работы Зигмунда Фрейда: «Толкование сновидений» и «Введение в психоанализ».

УДК 159.964.2

ББК 88.5

Литературно-художественное издание

ЗИГМУНД ФРЕЙД
ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ
♦
ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОАНАЛИЗ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.06.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 51.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-NFB-28515-01-R